

Глава 10. Мой старший брат Ломако Александр Иванович

Детские годы

Ломако Александр Иванович, ок. 1980

С каждым годом все дальше и дальше уходят от нас страшные события Великой Отечественной войны. Но память о них не тускнеет со временем, она остается в сердцах внуков и правнуков тех, кто свою жизнь, силы и здоровье положил на алтарь Победы. И продолжается в новых поколениях, которые гордятся великой историей нашей страны.

Сегодня еще живы свидетели военного лихолетья. И важно услышать их рассказы и воспоминания, чтобы знать, как это было. Увидеть ужасы войны глазами очевидцев – чтобы навечно запомнить! Низко поклониться тем, кто сохранил для нас страну, – чтобы выразить свою бесконечную любовь и благодарность.

Один из таких свидетелей прошлого – это Александр Иванович Ломако, заслуженный работник культуры ЯАССР, выпускник Московского библиотечного института (ныне – университет культуры и искусств). Человек необыкновенной судьбы, талантливый и самобытный художник, известный театральный деятель. Вся жизнь Александра Ивановича связана с творчеством и служением искусству. В «Энциклопедии культуры и искусства Якутии» отражена наполненная трудовыми подвигами деятельность Ломако А.И.

Сколько он себя помнит, в нем всегда жила эта любовь к прекрасному – как будто в противовес тем страшным картинам войны, которые сохранила цепкая детская память. Ведь, несмотря на юный возраст, а Шурке, как звали его в детстве, в то время едва исполнилось шесть лет, многие события запомнились ему навсегда.

Они и сейчас тревожат его сердце, заставляя переживать все так, как будто это было вчера. Вновь и вновь незаживающей раной напоминают о себе. И пусть эта Шуркина память станет для нас уроком – прошлое нельзя забывать, чтобы не дать ему повториться.

Вот что рассказал Александр Иванович о событиях, оставивших в его жизни неизгладимый след, о своих детских годах и Малой родине в Мглинском крае, где до сих пор живет эхо войны¹.

*«Родился я в деревне Шумарово Мглинского района Брянской области в обычной крестьянской семье. Мама говорила, что это случилось 15 октября 1934 года, но в документах дата рождения записана 3 января 1935 года. Семья наша по деревенским меркам была небольшой – всего четыре человека – мать, отец, я и младший брат Женька (*1940).*

В детской памяти запечатлелись леденящие душу эпизоды, связанные с войной, которая застала его в семилетнем возрасте. Ему бы в школу в 1 класс, а тут, как гром среди ясного неба, война...

Взрослое детство. *«Семья наша жила в избе-пятистенке – добротном доме с пятью стенами, доставшемся нам от деда Демиды и состоящем из трех больших помещений. Как и все в деревне, занимались земледелием и скотоводством. Выращивали картошку, просо, лен, рожь, пшеницу, горох, бобы, фасоль, подсолнухи. Имели гумно, на котором молотили и хранили зерно, а также клеть и конку. Двор был полон всякой живности: из скота держали свиней, овец, корову, во дворе бегали куры, которых никто не считал, ну и, конечно, кошка.*

В деревне Шумарово существовал свой особенный стиль жизни, трудовой и размеренный. Все крутилось вокруг хозяйства, которое требовало неусыпного догляда и работы на земле. В Шумарово был и свой язык, непохожий ни на какой другой, мягкий и напевный. Жители деревни выделялись особым говором, в котором причудливо смешивались украинские, белорусские и польские слова. К примеру, когда мужики в Шумарово собирались на игрища, моя мать говорила: «Сябры собрались». Сябры, по-белорусски, означало «хлопцы».

В 1940 г. отца, окончившего в свое время столярное училище, назначали заведующим производством лесопильного завода в городе Мглине. И в феврале 1941 года наша семья переехала во Мглин, в дом на улице Первомайской, недалеко от завода.

День, когда мы переезжали, выдался хмурый и ненастный, будто сама природа пыталась нас остановить, предвещая на новом месте какие-то беды и напасти. Так и случилось – через несколько месяцев началась Великая Отечественная война.

Во Мглине мы поселились в одноэтажном доме на две квартиры. В одной квартире, состоящей из двух комнат и русской печи, жили мы, в другой – бежые евреи. Моей матери в то время был тридцать один год, отцу – двадцать девять, мне – пять, а моему брату Женьке – полтора года. В нашем новом доме имелось электричество, которое подавалось от работающего на заводе генератора, и это было для нас ново и удивительно.

В Шумарово мы по вечерам зажигали керосиновую лампу – каганец, как ее там называли. Еще в нашем мглинском доме работало радио, и теперь мы могли слушать новости страны и сообщения о ходе военных действий. Улица, на которой мы жили, была вымощена булыжником размером с человеческую голову. Она тянулась километра три до самого центра города, а затем уходила на север.

¹ Ломако А.И. Воспоминания об оккупации Мглинского края. // Сайт Мглинский рай. <http://www.mglin-krai.ru/k-dnyu-pobedy/383-vospominaniya-ob-okkupatsii-mglinского-kрая>

Так вышло, что во Мглине я оказался предоставленным самому себе. Друзей здесь у меня не было, а мама с утра до вечера занималась домашним хозяйством и моим младшим братом. Надо сказать, что меня это совсем не тяготило, и я с утра до вечера свободно бродил по улицам городка, присматриваясь к новому месту жительства и подкармливая обитавших там в большом количестве галок. Частенько мой путь сворачивал в сторону лесопильного завода, на котором работал отец. Здесь всегда кипела жизнь, и мне было интересно наблюдать за тем, как двигался локомотив, как суетилось множество занятых на производстве людей, выполнявших разные работы. Еще мне очень нравился особый запах, стоявший на заводе, – в воздухе всегда витали ароматы свежей стружки, смолы и дерева...»

Рэм Ермолин. 22 июня 1941 года

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, а 17 июля немцы уже вошли в Смоленск. По плану Барбаросса они должны были захватить нашу страну, двигаясь по направлению к Москве через Минск, Смоленск, Вязьму. Но, видимо, что-то в этих планах в последний момент нарушилось, и фашисты поменяли свой маршрут, повернув на Брянск.

Отца по медицинским показаниям (плоскостопие) и, возможно, брони военкомата освободили от призыва, так как его опыт также был необходим для организации производства на лесозаводе, и мы жили во Мглине еще до сентября.

Мглин в первые дни оккупации. «Поскольку большую часть времени на новом месте я оставался без присмотра, – вспоминаю мой брат, – то, быстро привыкнув к свободе, чувствовал себя вольным казаком и гулял, где хотел. Так, за несколько дней до захвата Мглина немцами я оказался на лужайке за городом и внезапно услышал странный звук, как будто провели скалкой по частоколу. С любопытством оглядевшись по сторонам в поисках источника звука, наконец догадался задрать голову вверх и увидел в небе два небольших крестика, сантиметров по тридцать каждый. Они летали, как комары, то вверх, то вниз.

И вдруг от одного из этих крестиков повалил дым, его становилось все больше и больше. Крестиком оказался наш «Ил-16», подбитый немецким летчиком. Вскоре советский самолет вспыхнул и, загоревшись, резко ушел в сторону, за ним потянулась густая черная полоса дыма. Через несколько секунд он пропал из поля моего зрения. Правда, взрыва при падении самолета я не услышал. Это был первый воздушный бой, который мне довелось видеть, и я наблюдал за

этим зрелищем, застыв на месте и открыв рот от удивления. А когда все закончилось, мне в голову пришла мысль отыскать место, где мог упасть подбитый самолет. Я тут же рванул в нужном направлении и прошагал немалый путь, добравшись до моста, который вел во Мглин. На мосту стоял часовой – парень лет 16 с берданкой, который, конечно, никуда меня не пропустил. Смешно, но это была единственная защита Мглина от вражеских войск».

«В ночь с 15 на 16 августа, – продолжает вспоминать мой брат, – я проснулся от того, что почувствовал, как меня куда-то тащат. Отец нес на руках меня, а мать – моего брата. Оказалось, что ночью во Мглин въехали на мотоциклах немцы (видимо, это была немецкая разведка) и начали обстрел из пулеметов. Родители, быстро схватив меня и моего брата, побежали в старый сад, который примыкал к нашему дому, там находился погреб, где можно было спрятаться от обстрела. Как долго это продолжалось, я, конечно, не помню, сон снова сморил меня, а утром я проснулся уже в доме, в своей постели. Вспомнив о ночном происшествии, наскоро позавтракал и, само собой, решил идти на разведку – было жутко интересно, что там сейчас происходит на улице».

Напротив нашего дома в старом здании располагалась типография, в которой печатали газеты. Едва выйдя из своего двора, я увидел, что вся улица усеяна обрывками и клочками каких-то бумаг. Оказалось, во время бомбежки одна стена здания разрушилась, типографские наборы высыпались наружу, и ветром их разнесло по всей округе. Странно, но на улице не было ни души, только ветер гонял вдоль заборов типографские наборы. Любопытство заставило меня побежать в центр города, где находился так называемый старый базар.

Ближе к центру мне встретились три разбитые сгоревшие полторки, очевидно, немцы разбомбили их во время ночного обстрела. В одном из дворов, где были открыты ворота, собралась толпа людей. Мужчины стояли молча, с низко опущенными головами, женщины тихонько переговаривались между собой и вытирали слезы. На земле перед ними лежали трое убитых в военных гимнастерках. Видимо, это были водители сгоревших полторок. Позже выяснилось, что они стали первыми павшими воинами Красной армии во Мглине.

Возвращаясь домой, я из любопытства заглянул в несколько соседних дворов. В одном из них под кустами валялись брошенные кем-то две винтовки. Скорее всего, их оставили Советские солдаты, которые, испугавшись обстрела, ночью сбежали из города. Так я впервые узнал, кто такие дезертиры.

В тот же день, 16 августа 1941 года, со стороны Смоленска в город без боя вошли колонны немецких танков, которые двигались на Москву. Эти колонны казались бесконечными: они шли через город весь день, поднимая тучи пыли, оседавшей на домах и деревьях. Грохот стоял на всю округу. После ухода вражеских танков во Мглине осталась часть немецкого гарнизона, город был оккупирован. Наступили будние дни под немцами.

С первых дней фашисты установили жесточайший режим принуждения, так называемый «новый порядок», согласно которому жители Мглина воспринимались как рабы, поэтому с ними не церемонились. Немцы вели себя как хозяева, спокойно разгуливали по улицам в зеленой форме и высоких кожаных сапогах, подошва которых была обита гвоздями.

Колонна немецких войск, октябрь 1941 г.

Немцы на Смоленской улице Мглина, 1941 г.

Немецкие солдаты на улицах наших городов, 1941 г.

Все население Мглина, которое было занято на производстве, после прихода немцев по инерции продолжало работать. Мой отец какое-то время тоже еще трудился на лесозаводе. Здесь, на заводе, стоял электрогенератор, который обеспечивал город электричеством. Однажды по каким-то причинам он вышел из строя, и свет в городе, в том числе и в здании немецкой комендатуры, погас.

«Я хорошо помню, – вспоминал мой брат, – как в наш дом на улице Первомайской явился немец и, ткнув пальцем в лампочку, резко провел рукой по горлу, показывая отцу, что если освещение не будет восстановлено, то его немедленно повесят».

Немцы по-русски не говорили. Если надо было что-то сказать, обходились жестами, показывая руками – дай то, дай это. Из фашистов по-русски понимали только бандеровцы, которые при случае выступали в роли переводчиков.

Однажды в нашем доме на какое-то время поселились немцы. У них это называлось «остановиться на постой», то есть несколько дней отдохнуть после дороги и поспать. Спали они у нас прямо на полу. Согласия родителей никто не спрашивал – на нас просто никто не обращал внимания, как будто хозяева здесь они, а не мы.

Велосипед от бургомистра Лавейко. Какие-то отдельные эпизоды из тех лет в памяти моего брата сохранились особенно четко. Например, он помнил, как, проснувшись однажды ночью, увидел, что отец разговаривает с незнакомым пожилым мужчиной лет пятидесяти, высоким и худым. Беседуя с отцом, тот

заметил, что Саша не спит, и спросил: «Хочешь получить подарок?». Брат утвердительно кивнул – кто же откажется от подарка? Он улыбнулся и предложил: «Пойдем со мной, выберешь себе сам».

Директор школы и бургомистр Мглина во время войны Лавейко Аким Петрович, около 1920 г.

В центре города они подошли к какому-то дому, где незнакомец позвал двух мальчишек чуть старше брата – года на два-три, и велел им вынести из подполья детский автомат и велосипед. Мальчишки куда-то исчезли, но скоро вернулись с настоящими сокровищами в руках. И этот человек, обратившись ко мне, сказал: «Ну, выбирай, что хочешь». Брат не мог поверить своим глазам и тихо выговорил: «Велосипед!» Мальчишки, услышав это, стали возмущаться, но незнакомец строго прикрикнул на них. А Саша быстро схватил велосипед и покати́л домой, ничего не понимая и боясь только одного – чтобы его не

забрали назад.

Незнакомец оказался новым главой Мглина, бывшим директором школы – Лавейко Акимом Петровичем, которого немцы заставили работать на новую власть. Когда фашистские войска вошли во Мглин, директор пытался сбежать на телеге, но немцы остановили его и, узнав, кем он был до войны, принудили стать бургомистром, то есть главой города. Позже, когда Мглин освободили от немцев, за пособничество оккупантам его арестовали и судили за предательство. Получается, свой велосипед Саша получил из рук предателя, хотя тогда он еще ничего не знал об этом.

Отец научил Сашу ездить на велосипеде, и теперь он с утра до вечера катался по всему городу. Однажды с ним произошел такой случай. Ехал он, как всегда, на велосипеде, а впереди по дороге шли человек семь-десять фашистов. Они шагали широко, и у него никак не получалось их объехать. Что делать? Не доезжая до них метра три, Саша громко посигналил звонком на руле. Немцы все одновременно остановились, обернулись и, увидев Сашу, едущего на велосипеде, расступились. Он как несся, так и пролетел между ними, а за спиной раздался взрыв хохота – это немцы переглянулись и загоготали. Вот что значит немецкая дисциплинированность и порядок: фашистские оккупанты пропустили советского пацана.

Ободранные свиные туши. Как-то Саша пошел к отцу на лесопильный завод, это было недалеко от нашего дома – метров двести. И вдруг в саду одного из соседних домов, где росли высокие старые яблони, увидел свиные туши, висящие на ветвях этих яблонь. Их было очень много, двадцать или тридцать, но самое страшное – все они были ободранные. До этого он никогда не видел ободранных свиных туш. Да у нас их никто и не обдирал. Обычно туши обжигали соломой или паяльной лампой, а потом скребли ножом, чтобы избавиться от щетины. Мы, русские, привыкли есть свиное сало со шкуркой, приятно пахнущей дымком. Только надо предварительно ее хорошенько почистить и вымыть.

Жуткое зрелище поразило брата. Уставившись на эти ободранные туши, он продолжал шагать вперед, не в силах оторвать от них глаз. И на ходу уткнулся прямо в живот фашиста с каской на голове. На плече у него болталась винтовка на ремне, в руках палаш. Саша вспоминает его злоющие серые глаза и здоровенный нос. Немец со злостью гаркнул на брата: «*Цюрюк нах хаус*» – «*Иди домой!*» Саша немецкий уже стал понимать и, вспомнив убитых в первый день войны солдат, живо развернулся и рванул домой.

Лагерь для арестованных на новом базаре. Рядом с нашим домом располагался новый базар, куда в мирное время по воскресеньям съезжались люди и торговали курами, свиньями, яйцами и прочим. Во время оккупации немцы соорудили рядом с ним что-то похожее на стойло, огородив колючей проволокой территорию размером с футбольное поле. На этот закрытый участок, находившийся под открытым небом, фашисты загоняли мирных жителей, у которых на момент проверки не оказалось при себе документов. И люди неделями сидели там под дождем, в грязи и слякоти. Разумеется, никто их не кормил.

Отец как-то взял две буханки хлеба и, подойдя к забору, спросил у немецких охранников, можно ли передать хлеб заключенным. Они разрешили. Отец бросил буханку через забор, и десятки рук сразу же вцепились в нее и разорвали на мелкие кусочки. Изголодавшиеся люди, кто успел дотянуться, жадно засовывали крошки в рот и проглатывали. Буханка в одно мгновение как будто превратилась в пыль. Когда отец бросил вторую буханку хлеба, с ней произошло то же самое. Вот так фашисты относились к русским людям – как к скотам.

Онажды женщина увидела в этом загоне кого-то из своих близких – то ли мужа, то ли сына, то ли еще кого. И, не обращая внимания на охранников, в отчаянии кинулась к воротам, чтобы помочь ему. Часовые с толстыми палками в руках набросились на нее и стали бить этими палками куда попало. Женщина, закрываясь руками, упала, но они продолжали пинать ее ногами. Единственное, не стали стрелять в нее. От смерти женщину спасло только то, что она сумела отползти от них в сторону.

Около двух с половиной месяцев семья прожила в оккупированном Мглине. Каким-то образом отец смог договориться с бургомистром – Лавейко А.П., и в октябре 1941 г. все вернулись в родное с. Шумарово, в пустующий дедушкин дом – пятистенку из двух больших комнат, в каждой из которой стояла большая русская печь.

Убийство старосты и расправа над жителями с. Шумарова. В Шумарово брат впервые увидел так называемых полицаяв – тех, кто согласился служить немцам. Старостой села назначили нашего соседа – Лосева Тараса Филипповича. Его дочка, Агафья, дружила с моими родителями и была моей крестной, имела дочь Евгению, а муж у нее погиб еще на русско-финской войне.

После нашего возвращения в доме у нас стали появляться какие-то люди. Позже стало известно, что это были те, кто не согласился служить полицаями или работать на немцев. Они о чем-то подолгу разговаривали с отцом, до Саши часто доносилось слово «партизаны». Он тогда не все понимал и не знал, что почти одновременно с оккупацией Мглина в городе был организован партизанский отряд, который сразу же начал действовать.

По одну сторону реки Воронусы располагалось село Шумарово, по другую – поселок Филоновка и хутор Заречье. Многие жители этих населенных пунктов сочувствовали партизанам и хотели присоединиться к партизанскому движению, чтобы бороться с ненавистными фашистами. Наш дом служил для таких добровольцев явочной квартирой, потому что отец был у партизан связным. На задания партизаны выходили ночью, а днем прятались кто по домам, кто в лесу.

Мглинский партизанский отряд, 1941 г.

В нашей большой избе-пятистенке одно из окон на южной стороне выходило в сад, за которым тянулся пустырь. Партизаны пробирались к нашему дому по ночам через пустырь и стучали в это окно. Отец впускал их, и они о чем-то долго разговаривали.

Однажды зимней ночью к нам пришел Павел Чуприк, бывший до войны Председателем сельсовета, и сказал: *«Иван, пошли со мной к старосте!»*. Староста – Филипп Тарасович Лосев жил рядом через огород. Родственники говорили, что он был во время революции эсером. Тем не менее соседи дружили, был дружен и брат Саша с дочерью Агафьи Филипповны Женей.

Шурка детально запомнил страшный рассказ отца, связанного с эпизодом убийства старосты села Лосева Филиппа, который был описан в предыдущей главе. Когда они подошли к двери, Чуприк приказал, – *«Стучи!»*. Отец постучал. Агафья спросила: *«Кто?»*, отец ответил, – *«Иван»*. Они вошли. Чуприк сказал старосте: *«Зажигай лампу!»*. Когда Филипп чиркнул спичку, чтобы зажечь лампу, он выстрелил ему в спину из обрезка и убил. Уходя, Чуприк сказал дочери Агафье и жене старосты, что если они расскажут о том, что здесь был Иван, то он с ними поступит также, как со старостой².

Это было самовольное решение Павла Чуприка и отец сразу заподозрил неладное. Ошеломленный рассказом отца, пострел Шурка утром побежал в дом к соседу и увидел лежащего на полу мертвого Лосева, под ним – лужу крови. Посмотрел и увидел, что пуля прошла через убитого и пробила раму окна. Он искал пулю во дворе, так и не нашел. К обеду следующего дня в управу полиции села Шумарова из Мглина пришла телеграмма, в которой сообщалось, что расследования не будет, так как было доказано, что старосту убили партизаны. Отцу стало ясно, что это была провокация и за ним могут прийти. Дома он в потолке над печью освободил доски и, как оказалось, не зря: следующей ночью в дверь постучали.

Стук был частым, как пулеметная очередь. Испуганные со сна Шурка с родителями подскочили и побежали к двери из первой половины дома во вторую. Отец попросил маму спросить, кто там. Из-за двери послышался женский голос: *«Настя, открой, это я Марфа. Не бойся! Это свои. Немцы»*. Саша помнит дословно эту фразу до сих пор. Отец быстро прошептал матери: *«Поговори с ней, удержи ее здесь»*. Пока мама что – то говорила, что отца нет дома и тому подобное, отец в чём был, в том и заскочил на печку, вылез через отверстие на крышу, перелез в примыкающую к дому, старую казацкую пуню-сарай для сена, длиной метров 10-15. Выглянул наружу, и разглядев, что на улице не было карателей, убежал.

После войны отец рассказывал, что когда он убегал от облавы, ему казалось, что он слышит за собой погоню. Остановившись же увидел, что за ним

² Ломако А.И. Воспоминания об оккупации Мглинского края. // Сайт Мглинский рай. <http://www.mglin-krai.ru/k-dnyu-pobedy/383-vozpominaniya-ob-okkupatsii-mglinского-kрая>

никого не было, и понял, что это его сердце так стучало в ушах. Затем он через ров убежал к деду Мамону.

Мать убедившись, что на печке шум уже прекратился, зажгла лампу, открыла дверь. Маленький Шурка со страху прижался к матери. Вошли высокий русский мужик в кубанской шапке с белыми накрест лентами, за ним – такого же роста, вооруженный шмайсером немец в натянутой на уши пилотке. Последний встал у двери. Казак спросил: «*Хозяйка, где хозяин?*». Она ответила: «*Нету. Ушел. То ли где то выпивает, то ли в карты играет*». Он прошел в первую половину. Там стояла двуспальная кровать, накрытая пледом. Он поднял плед, заглянул под кровать, увидел, что никого там нет. Осмотрелся, убедился, что никого нет. Они ушли. Мы легли спать.

Утром слышали страшный крик «*Савосту убили!*» Савоста Ломако- дальний родственник отца. Как оказалось, немцы приговорили десять человек к расстрелу, в том числе и нашего отца. А ночью вывели на середину села восьмерых (один смог как-то убежать), положили на снег и расстреляли из автоматов разрывными пулями. Среди приговоренных оказалась и одна женщина – молодая учительница, связанная партизан – Маюрова Ульяна Ивановна.

Когда Саша узнал об этой расправе, то, натянув шубейку, он рванул к магазину в центре села, к месту расстрела. Еще не добежав до центральной площади, он издали заметил собравшихся там односельчан. А подойдя ближе, увидел лежащих на мерзлой земле мертвых людей. Белый снег вокруг был забрызган пятнами крови, показавшимися ему черными. Среди зачехенных тел особенно страшным было тело человека с поднятой кверху рукой. Его ладонь была раскрыта, как будто он обращался к Богу за помощью и спасением. Увидев эту ужасную картину, Саша сильно испугался, круто развернувшись, он побежал домой, подгоняемый жутким холодом и еще более жутким страхом смерти.

Тела расстрелянных лежали на площади еще в течение трех дней. За что были убиты эти люди? Уже позже мы узнали, что немцы таким образом отомстили за своих – за каждого убитого немца или полицая они расстреливали десятерых русских.

Юный партизанский связной. Несколько дней после казни отец отсиживался у деда Мамона. Мать принесла ему одежду, собрала кое-какие продукты. В следующую ночь отец перешел в другое село - Филоновку к племяннице жены Домне и там прожил зиму. Некоторое время жил там, скрываясь от посторонних глаз. Потом начал тайком приходить к нам по ночам и, сидя за столом, писал донесения партизанам, в которых сообщал какие-то важные для них сведения.

Эти письма мой брат Саша относил нашей родственнице Полине Трифоновне Ломако на хутор Заречье, находящийся в километре от нашего села.

Вид из нашего дома на правый берег Воронусы и хутор Заречье, 1962 г.

Юный связной партизан Александр Ломако, 1940 г.

Полина Трифоновна была связана с партизанами и передавала им информацию, добытую отцом. Так было раз пять-семь. В этом и состояло Шуркино участие в борьбе с фашистами.

Конечно, это было рискованно – в любой момент немцы могли брата остановить, обыскать и обнаружить послание.

Отец боялся этого и придумал хитрость, чтобы Сашу не поймали. Была у него старенькая фуражка «сталинка» с оторванной подкладкой. Вот туда, за подкладку, отец и клал свое донесение, надеясь, что немцы не станут обращать внимание на мальчишку.

Саша натягивал эту фуражку и нес письмо. Страшно представить, чем бы это могло закончиться, если бы его поймали...

В начале 1942 года партизаны уже вели активную деятельность против фашистов – подрывали мосты, пускали под откос эшелоны с оружием и боеприпасами. Эти удары были довольно болезненными и наносили немцам

ощутимый урон. И в марте немецкое командование начало принимать меры для уничтожения партизанского движения. Была организована массовая блокада Мглинских и Брянских лесов, партизан стали вытравливать из укрытий с применением сил не только пехоты, но и авиации. На окраине Шумарова для этих целей даже построили небольшой аэродром, куда приземлялись фашистские самолеты.

В состав войск, участвовавших в истреблении партизан, помимо немцев, входили также венгры, чехи и, конечно, бандеровцы. Саша до сих пор помнил бандеровский знак – трезубец, с которым они проводили свои карательные операции. Бандеровцев все боялись даже больше, чем немцев. Они отличались особой жестокостью и с каким-то садистским усердием убивали мирных жителей, особенно женщин и детей. И впоследствии уже в мирное время, при виде этого бандеровского трезубца – символа бесчеловечности и жестокости – у брата неизменно просыпалась детская память о тех страшных событиях.

Конфеты и консервы от фашистов. Позже во дворе нашего дома немцы устроили своего рода полевую кухню, где готовили пищу для солдат. Запахи еды разносились по всей округе, и в то голодное время это вызывало у местных жителей ненависть и злость. Саша помнил, как выйдя однажды во двор, он увидел, что немцы открывают консервы. Брат никогда не пробовал консервов, а шедший из банки соблазнительный запах вызвал у него голодную слюну – ужасно хотелось попробовать хоть кусочек.

Надо сказать, что незадолго до этого был такой случай. Как-то, когда Саша лежал на траве в своем дворе, один из фашистских солдат угостил его конфетой. То ли он чем-то напомнил немцу его детей, то ли он его пожалел, не знаю. Почему-то брат подумал, что сейчас ему тоже дадут попробовать этих консервов, и начал ходить по двору кругами, стараясь как можно чаще попадаться немцам на глаза. Но они не обращали на него никакого внимания – сидели, что-то рассказывали друг другу и гоготали между собой. Разумеется, Сашу это задело, он обиделся, потом разозлился и во всю глотку заорал песенку: *«Лежит Ленин во гробу, тянет Сталин за ногу: «А ну вставай, ядрена мать, давай немцев прогонять!»*

Но немцы то ли не расслышали слов «Ленин» и «Сталин», то ли просто не захотели тратить на брата свое время, и ничего ему не сделали. А он, обиженный, что его так и не угостили консервами, со слезами ушел в дом несолоно хлебавши.

Освобождение села от немецкой оккупации. Наступил 1943 год. Проигравшим сражение под Сталинградом немцам стало не до партизан. Битва на Курской дуге изменила ход событий, и инициатива боевых действий перешла к нашей армии. Целыми армейскими эшелонами немцы начали отступать, уходя обратно на запад через Белоруссию.

После известия о разгроме нашими войсками немцев под Курском и Белгородом отец решил, что оставаться в Шумарово опасно. Видимо, понимал,

что потерпевшие поражение немцы скоро начнут движение обратно, только неясно, каким путем. Он велел матери собираться, и на следующий день, прихватив корову и кое-какой домашний скарб, мы всей семьей ушли через деревню Филоновку на Поповку, в 4-5 км севернее Шумарова.

Вместе с нами покинули дома и другие местные жители. В глухой деревеньке Поповке, находившейся в лесу, насчитывалось всего с десяток домов. Тут же прятались от немцев и партизаны. В Поповке в ожидании каких-либо известий мы прожили в шалашах недели две.

А в один из дней в конце сентября деревню разбудил гул машин. Деревенские мальчишки, а было нас человек десять, выскочили на опушку леса и увидели, как к Поповке подъезжают три советских танка. Все радостно замахали, приветствуя танкистов, а мой дядя Изот, выехавший встречать их на лошади, громко закричал: *«Да здравствует Красная армия!»*. Шурка впервые увидел и с восторгом встретил наши танки, самоходные пушки со здоровенными, как ему казалось, дулами в 120 мм.

Вечером того же дня танки отправились дальше, на Мглин. На одном из танков уехал и мой отец, чтобы указать дорогу. Конечно, это было необдуманное и, как оказалось, преждевременное решение. На подступах к Мглину немцы устроили засаду и встретили танки выстрелами из пушек.

Расстрелянные практически в упор машины загорелись, от них повалил черный дым. Почти все наши солдаты погибли, не успев принять бой, лишь небольшая часть выживших спаслась бегством. Они добрались до Шумарова и спрятались в домах местных жителей. Однако в тот же день фашистские каратели окружили Шумарово со всех сторон и подожгли. Село, включая и нашу хату, почти полностью сгорело.

А на следующий день подошедшие войска Красной армии освободили Шумарово и Мглин от немцев. И вереницы отступающих немцев потянулись на Запад.

Годы учебы (1943-1954)

После окончания оккупации многие местные жители ушли на фронт. В сентябре 1943 года был зачислен красноармейцем в стрелковый полк дивизии им. Суворова и мой отец. Участвовал в боях за Гомель, освобождал Луцк, Житомир, Ивано-Фронтовск, Хмельницкий и Львов. Довелось воевать и на территории Польши, затем Германии. А закончил войну под городом Карлсбадом (Карловы Вары) в Чехословакии, после чего в августе 1945 года вернулся домой. Был награжден орденами и медалями.

Мы остались в Шумарово одни в чужом доме, практически без какого-либо имущества и средств существования. Все заботы о нашем выживании легли на плечи матери, которая сама росла наполовину сиротой. Ей едва исполнилось два

года, когда умерла ее мать, и на руках у ее отца Никифора осталось четверо – Трифон (*1892), Ульяна (*1901), Изот (*1906) и самая младшая – Анастасия (*1910).

Анастасия была невысокого роста, сероглазая, с темными волосами. Так получилось, что всю жизнь прожила безграмотной, умела только расписываться. Выйдя замуж, тащила на своих плечах все домашнее хозяйство, а когда отец ушел на фронт, осталась одна с двумя детьми. Много горя принесла война. На несколько поколений хватит. Принесла она и радостную весть о Победе над фашистами. Наш народ выстоял, заплатив непомерную цену за мирную жизнь и свободу. Радость той Победы была великой и горькой, со слезами и скорбью о погибших.

Невозможно представить, что пришлось вынести моей матери в те годы, но она сумела выжить и сохранить жизнь мне и брату Сапе. Хлебнула горя и после войны, когда, живя впроголодь и работая с утра до ночи, они с отцом строили дом и поднимали на ноги четырех сыновей.

Ломако Анастасия Никифоровна, ок.1965

Мама тащит на себе сено для коровы, ок.1965

Всю жизнь мои родители трудились не покладая рук – до конца своих дней работали на земле, держали большое хозяйство. После войны у меня появилось еще двое братьев – Владимир (* 1949) и Николай (*1951).

Ломако Анастасия Никифоровна напротив сада тети Ольги, 1960 г..

Коля, Шурка, Володя в центре с. Шумарова, ок. 1960.

Засуха 1946 года и послевоенная разруха привели к голоду, охватившему тогда многие центральные районы страны, в том числе и Брянскую область и Мглинский край. Это было время тяжелейших испытаний. Мы с братом собирали на полях прошлогоднюю картошку, оставшуюся в земле, а мать варила пустой

борщ из крапивы. Как только появлялись первые побеги трав, рвали их и делали лепёшки или щи из щавеля.

После освобождения с Шумарово от немецкой оккупации в селе открыли школу и Шурка поступил в первый класс. «В 1943 году школы, как таковой, в Шумарово не было», – вспоминает Александр Ломако. Учили прямо в избе. Собрали человек 10-15 учеников: кому 10, кому 7 лет, кому-12-15, нашли учительницу более- менее грамотную, может школьницу молодую совсем. Бумаги не было, не было чернил и даже карандашей.

Саша откуда – то достал рисовальный красный карандаш. Им и начал писать буквы на оберточной бумаге. Для учебы использовали весь подручный материал». Семь классов Александр Ломако окончил в родном селе, а восьмой класс – уже во Мглине.

Выпуск семилетней школы с.Шумарово, 1950 г. (Ломако А. 2-ой слева во 2-ом ряду)

Калужская культпросветшкола (1951-1954). Еще мальчишкой Саша научился играть на гармошке. В пять лет отец немного показал сыну, как надо играть, а дальше Саша играл самоучкой. Первой мелодией, которую он сам подобрал на слух еще до войны, была песня «Хасбулат удалой».

Звуки музыки завораживали его и наполняли счастливым удивлением. Вокруг было так много горя, а он уже тогда понимал, что красота и искусство нужны во все времена. Они делают жизнь светлее, вселяя в души людей надежду и веру в лучшее.

Саша и его закадычный друг Петька Хавбонов, ок. 1950

Однокурсники по культпросветшколе, г. Калуга, 1952 г.

Слева направо: Мамедов Мамед, Хлопяников Александр Иванович, Быков Вениамин, Котов Алексей, Ломачко Александр Иванович, Башаро Николай Павлович

Неудивительно, что по окончании восьмилетки в 1951 году Александр поступил в Калужское музыкальное училище по классу баяна, а со второго курса перевелся в Калужскую культпросветшколу (КПШ), где преподавали знаменитые братья- баянисты Азаровы. Там же три года он занимался на театральном факультативе, которым руководил К. Бедлинский, режиссер Калужского театра.

Библиотечный институт. В 1954 году с отличием окончив Калужскую КПШ, Александр Ломако без экзаменов поступает в Московский библиотечный институт им. В.М. Молотова на факультет «Культурно- просветительской работы», где так же факультативно занимается театральным делом.

Обучение здесь было разностороннее: преподавали режиссуру, игру на баяне, музыку, пение в хоре. В дипломе Саши написано – методист-организатор культурно-просветительской работы.

В 1957 году на Первом всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве хор института, в котором пел студент Ломако А.И. получил звание Лауреата.

Саша у входа в альма-матерь, 1957

Саша и Клава, 1957

В 1956 г. Саша женится на однокурснице того же института, певице Клавдии Дьячковой. Ярким дарованием судьба отметила ее уже в ранней юности. Чистое лирико-колоратурное сопрано выявили у нее еще педагоги Дворца пионеров. Двенадцатилетнюю девушку отправили учиться в Уральскую консерваторию. Но она скучала по дому, плакала и через год вернулась в Якутск.

После окончания школы Клава поехала в Москву и поступила в Библиотечный институт.

В Якутске она была солисткой хора Радиокomiteта ЯАССР и Музыкального театра, преподавателем Якутского культурно-просветительского училища, где за тридцать лет воспитала многие сотни клубных работников.

У нее были свои поклонники, которые всегда просили спеть романсы «Соловей», «Я вспомнил вас, и все былое...», «Эта темно-вишневая шаль», песни «Летите, голуби», «Моя столица, моя Москва». В 2015 году она ушла из жизни.

В 1957 году Александр впервые приезжает в Якутск на практику, дипломной работой его был концерт в поселке Марха, на котором выступал знаменитый композитор Грант Григорян.

Начало трудовой деятельности в г. Якутске (1958-1973)

Саша в Якутске, 1959 г.

Министерство культуры ЯАССР (1958-1959).

В 1958 году, окончив с красным дипломом

Библиотечный институт, молодой «Методист – организатор КПП» был направлен инспектором в Министерство культуры ЯАССР, где активно включился в культурную жизнь республики.

Занимался проведением II Республиканского смотра художественной самодеятельности (1959),

проходившего под непосредственным руководством Чириева Г.И., знакомился и способствовал творческой деятельности интеллигенции республики.

В их числе Сивцев Д.К., Григорян Г.А., Решетников Т.М., Григорьев С.А., Разинская

П.К., Гвахария Е.И. и мн.др. А также руководил практикой студентов, ездил с ними по сельским клубам.

Якутская культпросветшкола (1959-1963). В 1960 году в КПШ пришли новые программы. Молодой, энергичный преподаватель очень понравился директору Михайлову Ивану Иннокентьевичу, и он назначил его завучем. Под его руководством Александр Иванович осуществил полную реорганизацию всего учебного процесса, открыв новые отделения по

дирижерско – хоровой, театральной и хореографической (факультативно) специализациям. С этой целью был значительно обновлен педагогический коллектив, мастер – классы стали проводить известные деятели культуры: артисты — Григорьев С.А., Антонов В.Д., Лыткина А.П.; режиссер К. Экслер, хормейстеры –Таныгин Г.Г., Сантаева Т.В., хореографы – Посельская К.В., Марков Г.Т. Наряду с административной работой Ломако А.И. в тандеме с Хаджаевой А.М. преподавал режиссуру и мастерство актера.

Многие выпускники КПШ 60-х годов добились больших творческих успехов, став заслуженными работниками культуры РСФСР и ЯАССР, такими как: лауреат Государственной премии, заслуженный артист РФ Семён Федотов; заслуженный артист РС (Я) Афанасий Фёдоров, отличник культуры СССР, заслуженный работник культуры РС(Я) Александра Звонкова и многие другие.

Коллектив Якутской культпросветшколы, 1963

Отдел культуры Якутского горисполкома (1963-1973). Талант организатора, сценариста и режиссера проявил Ломако А.И., возглавляя отдел культуры Якутского Горисполкома в период с 1963 -1973 гг. В памяти многих старожилов навсегда остались грандиозные красочные представления на стадионе «Спартак»: «Пою моё Отечество – республику мою!», «Равнение на знамя Победы!», «Вечная молодость Олонхо», «Фестивальная деревня», а также традиционные городские праздники «Проводы зимы» и мн.др. Ломако А.И. является автором брошюр «Проводы зимы в Алдане» (1965), «Приглашаем на праздник», обобщающих опыт становления и развития гражданских традиций в

республике, а также ряда статей в прессе по проблемам культуры, самодеятельности и профессионального искусства.

Создавая советские гражданские праздники на основе народного творчества, Ломако А.И. сам в качестве художественного руководителя стоял у истоков создания первого в республике ансамбля песни и танца «Сарыал», премьера которого с большим успехом состоялась в присутствии Правительства республики 21 апреля 1972 года в Доме Политического просвещения. На республиканских ежегодных конкурсах художественной самодеятельности сводный коллектив города под его руководством неизменно занимал первые места.

Так было и в 1967 году на Первом фестивале молодежи Якутии, который был организован и проведен совместно Горкомом комсомола, возглавляемым в то время М.Е. Николаевым. Николаев в 1991 г. стал Первым Президентом Республики Саха (1991-2002). В программе фестиваля был концерт, в котором принимали участие на сцене Русского театра 250 человек вместе с хором и оркестром. В те годы Саша уже был членом Общественного художественного совета Русского театра.

Первый фестиваль молодежи Якутии, 1967

Слева направо: Первый секретарь Горкома ВЛКСМ – М. Николаев, председатель комитета по физкультуре и спорту — В. Слепцов, зав. отделом культуры Горисполкома – А. Ломако

Русский драматический театр (1973-1984)

В 1972 году судьба свела Александра Ивановича с режиссером Русского театра Якутска Борисом Афицинским. Началом их творческого сотрудничества стала совместная работа над постановкой театрализованного представления на стадионе «Спартак», посвященного празднованию 55-летия Советской власти.

Вот как рассказывает сам Александр Иванович о событиях того времени:

«Я сам написал сценарий и обратился к режиссеру Русского театра с просьбой поставить его в необычном формате. С помощью Бориса Владимировича Афицинского, бывшего тогда главным режиссером Русского театра, мы организовали театральную постановку, которая имела большой успех, и после этого он стал настаивать, чтобы я перешёл работать в Русский театр. Одним из аргументов было то, что необходимо вызвать у людей интерес к театральному искусству, приобщить к ценностям культуры, а во мне он видел большой творческий потенциал. В театр в то время действительно ходили мало. Скоро меня вызвали в обком партии и предложили стать директором Русского театра вместо работавшего на этой должности Константина Тимофеевича Ануфриева.

Положение щекотливое, но я пришел к директору и честно объяснил, что у меня есть желание, силы и возможности для того, чтобы изменить работу театра к лучшему. Видимо, своим напором я сумел его убедить, потому что он не стал идти на поводу у собственных амбиций и держаться за место. Отдавая ему должное, скажу, что мы сумели достойно разрешить эту ситуацию. Так, в июле 1973 года я приступил к обязанностям директора Русского театра и председателя худсовета».

Русский драматический театр г. Якутска

За время своего существования Русский театр Якутска пережил не одного руководителя, и каждый оставил в его истории свой след. Одним из наиболее

значимых событий для всего театрального сообщества Якутска был приход на эту должность Александра Ивановича Ломако, который возглавлял театр на протяжении десяти лет³.

Директор театра – Ломако А., администратор, режиссер – Афицинский Б.

Творчески одаренная и глубокая личность, умный и тонкий психолог, обладающий способностью объединять людей общей идеей, он собрал вокруг себя талантливых режиссеров и актеров, истинных служителей искусства. Именно при нем было поставлено множество прекрасных спектаклей, отличающихся особым сценическим мастерством и глубиной содержания.

В творческой судьбе коллектива театра это был период взлета и художественного совершенства. Режиссер Б.В. Афицинский (ученик Ю. Завадского) привнес современную театральную культуру. Запомнились яркие образные феерические спектакли, использующие все компоненты театра: «Гроза» А. Островского, «Дядюшкин сон» Ф. Достоевского, «Интервенция» Л. Славина, «Маскарад» М. Лермонтова, «Прежде, чем пропоёт петух» И. Буковчана, «Солдатская вдова» Н. Анкилова.

На тот момент существовало театральное объединение, и Русский театр включал в себя еще и оперный театр. Это было сложное, но невероятно интересное и творчески насыщенное время. Расцвет Русского театра пришелся на тот период, когда в нем работали главный режиссер Б.В. Афицинский и

³ Ю. Аксаментов. Расстаться с театром невозможно- он остается в тебе навсегда... <https://sakh.life.ru/aleksandr-ivanovich-lomako-rasstatsya-s-teatrom-nevozmozhno-on-ostaetsya-v-tebe-navsegda/?fbclid=IwAR19p0Q50vHb2gC4AoPKO-wvCh6QLdAflAn1gRNIFmtFeX1dAAOYw7luUaI>; Г. Иванова

художник Анатолий Шапиро. Эти люди, ставшие единомышленниками, были настоящими сподвижниками театрального искусства. Поставленные ими спектакли отличались яркостью, зрелищностью, интересной сценографией. Поражали мастерством разработанной оригинальной, яркой световой партитуры и множеством замечательных сцен со светом.

О том, как выглядел тогда Якутск и в каких условиях приходилось жить актерам, красочно рассказывает актриса Галина Кандрашева, которую в Русский театр в 1972 г. пригласил Б.В. Афецинский.

«Это было долгое путешествие: сначала на поезде через всю страну, потом неделю на пароходе по Лене, – вспоминает Галина. Якутск встретил неприветливо: серое небо, дождь. Прибывшие быстро «рассосались», и Галя, спустившись с трапа, увидела на берегу лишь выдавший виды «бобик». Сжимая в руке свою главную ценность – ведро смородинового варенья, которое мама дала в дорогу, она уже запаниковала было, но – о счастье! – из «бобика» махал ей рукой приехавший чуть раньше Афецинский. Галантно забрав у нее ведро, привез в театр, но на месте выяснилось, что квартирный вопрос в Якутске стоит остро, а потому жить придется... в пожарной каланче. Зато прямо во дворе театра!

Увидев эту каланчу изнутри, Галя не смогла удержаться от слёз: окно где-то под потолком, в центре – куча мусора.

А куда привели оформляться? Деревянный домишко по Аржакова – министерство, кругом лужи, грязь непролазная, к крыльцу доски брошены, под ними вода хлюпает».

В голове была только одна мысль: *«Надо уезжать, и поскорее!»* Афецинский, видя такое дело, принялся уговаривать: *«Раз приехала, давай работать».*

А что ещё делать, если половину подъемных Галя сразу по получении отдала маме! Соседями по каланче были Нина Константинова, Александр Кузнецов, Галина Новосёлова с мужем и режиссер Дененберг с целой группой выпускников Красноярского училища искусств.

В 1973 г. на роль Катерины специально пригласили из Москвы звезду экрана Тамару Семину, которая потрясла любителей искусства глубиной и драматизмом созданного ею образа. Не случайно на одном из представлений «Грозь», в котором была задействована Семина, присутствовал весь обком партии, включая тогдашнего первого секретаря.

Анатолий Шапиро, человек неординарный, с творческим подходом, придумал к спектаклю интересную сценографию. Во всю сцену были сделаны огромные ворота, олицетворявшие «темное царство» купцов-самодуров. Многие сценические эпизоды игрались при свечах, что создавало гнетущую атмосферу прошлого, борьбы света и тьмы. Зрители оценили этот прием неоднозначно. Одни говорили, что сценография получилась слишком мрачной, другие, напротив, считали, что благодаря этому реально ощутили дыхание времени, погрузившись в мир мракобесия.

*Спектакль «Гроза», Катерина – Тамара Семина,
1973*

*А.И. Ломако с актрисой Тamarой Семиной на
природе*

Спектакль «Гроза с Семиной в роли Катерины, 1973

Одним из лучших тогдашних представлений был спектакль «Дядюшкин сон», постановка которого стала настоящим праздником для зрителей. Настоящим украшением спектакля стала массовка в исполнении молодых артистов, приехавших из Красноярска, – своим юным задором и энтузиазмом

они внесли в постановку свежую струю энергии и молодости. Вообще, надо сказать, главной изюминкой спектаклей режиссера Бориса Афицинского были именно массовые сцены, которые позволяли представить на сцене быт и повседневность, и в этом случае они становились частью реальности того времени.

Также большой успех имел и спектакль Афицинского «Интервенция» в очень необычной постановке, говорящей о высоком профессионализме и новаторстве режиссера. Зрителей поразили огромные качели, установленные на сцене, которые в ходе представления трансформировались в парусник.

На этих качелях самозабвенно танцевали канкан молодые актрисы, сумевшие органично вжиться в образы своих героинь. Надо отметить, что качели располагались на высоте четырех метров от пола. И когда на гастролях в Магадане одна из цепей порвалась, зрители расценили это как интересную задумку авторов: разорванная цепь стала символом того, что старый мир рухнул и наступила новая жизнь, в которой главенствовали равенство, братство, любовь.

*«Маскарад», в роли Арбенина – В. Антонов,
Нины – А. Антюхова, 1974*

В ряду лучших постановок того времени и спектакль по драме Лермонтова «Маскарад». И вновь потрясающе интересная сценография – перед зрителями предстали сцена в виде маски и люди в образе карт. Сопровождавшая действие прекрасная музыка Хачатуряна, множество замечательных романсов и великолепно поставленная сцена искрометного бала, демонстрировали высокий уровень театрального искусства.

И еще одним действующим лицом этого спектакля стал черный человек в плаще, преследовавший главных действующих лиц постановки. Эта мрачная фигура символизировала рок – все люди заранее обречены, и у каждого своя судьба, от которой не уйти.

Одним из успешных проектов того времени стала постановка приглашенного режиссера Марины Памфиловой «Проснись и пой», которая шла с большим аншлагом, залы были полностью заполнены. Даже те, кто смотрел этот спектакль в Москве, утверждали, что в Русском театре он поставлен лучше.

Впервые коллектив театра выезжает в города Восточной Сибири: Магадан, Хабаровск, Братск, Биробиджан, Тында, Усть –Кут, где с успехом проходят большие гастроли.

«Золотой ключик», 1973. Буратино – Галина Новоселова

Ломако А.И. впервые включил постановки для детей в репертуарную политику театра на постоянной основе. За период своей деятельности он выпустил 67 спектаклей, за театральный сезон выпускал от 6 до 9 премьер, 2 из них — обязательно для детворы. Всё это буквально всколыхнуло театральную жизнь в Якутске.

Творческую эстафету в 1977 г. подхватил талантливейший молодой режиссер Валерий Яковлевич Келле–Пелле, приехавший в Якутск вместе со своей командой. Его остро – социальные постановки «Трамвай “Желание”» Т. Уильямса, «А поутру они проснулись» В. Шукшина, «Мы, нижеподписавшиеся...» А. Гельмана

проходили при аншлагах.

Сцена из спектакля «Красные аласы», 1982

Событиями государственной важности стали в 1980 году награждение театра Орденом «Знак Почета», и постановка режиссера В.Я. Келле-Пелле по исторической драме «Красные аласы» (1982 г), написанной А.И. Ломако в связи с 60-летием образования СССР.

Алас – это типичное для равнинной Якутии геологическое образование и форма рельефа в виде плоскодонной ложбины овальной формы диаметром до нескольких километров и глубиной до 30 м. Котловина может представлять собой или простую впадину, или сложную, включающую несколько впадин и возвышений дна.

Спектакль «Красные аласы» посвящен событиям становления Советской власти в заснеженной якутской земле. Он стал первым опытом постановки театра на местную тему.

«Александр Иванович обладал огромной силой убеждения, которые не раз ему пригождались, «выбивая» жильё или звание для актеров, организации гастролей. Он был смелым и справедливым руководителем, душой болеющим за коллектив, умеющим мягко и дипломатично отстаивать свое мнение, решать конфликты, слушать и слышать каждого сотрудника, объединять общими целями. При нём стало традицией, открывая и закрывая театральный сезон, выходить на поклон к зрителю не только актёрам, а всему коллективу», – так отзываются он нем сотрудники театра, работавшие с ним.

В декабре 1983 года в театре случился пожар. До сих пор неизвестно, кто поджег театр. А в том, что это был поджог, никто не сомневался, так как в версию, что пожар произошел в результате оплошности рабочего, на которого свалили всю вину, ни актеры, ни жители города не поверили. Александр Иванович тяжело пережил пожар, который можно расценить как несчастный случай, по официальной версии, из-за необдуманных действий и неосторожности монтировщика сцены. Сам Александр Иванович считал, что это был намеренный поджог билетной комнаты Концертно – эстрадного бюро (в то время в здании театра находились – Русский театр, Музыкальный театр и Концертно – эстрадное бюро).

Пережив пожар, труппа театра, чтобы избежать простоя, уехала на гастроли, а после возвращения стала играть в здании «Якутгражданпроекта», Якутский Обком КПСС сразу дал задание найти архитектора по восстановлению здания театра. Через два месяца Ломако А.И. был вызван к секретарю Горкома партии по идеологии Эверстовой А.Н., где ему предложили перейти директором и восстановить городской парк культуры и отдыха.

Спустя несколько лет после пожара здание театра было отстроено заново, и в нем наконец появился собственный столярный цех, о котором так долго мечтал Александр Иванович. Теперь здесь готовятся декорации к спектаклям, а также хранится театральный реквизит. Новым директором стал Иван Иванович Подойницын, выпускник исторического факультета, которого актеры в шутку называли «отец родной», вероятно имея ввиду совпадение его имени с именем отца Александра Ивановича. И для театра наступила новая эпоха его развития...

По прошествии многих лет, Русский театр оставался для Александра Ивановича местом силы, родным домом, куда все время тянулась его душа. Ведь

в этих стенах прошла часть его жизни, полная хозяйственных хлопот, творческих исканий и свершений. И театр, если можно так сказать, отвечал ему взаимностью. Александру Ивановичу были здесь всегда рады, ждали встречи с ним и с удовольствием приглашали на театральные премьеры. Актеры, как и многие жители города, помнят, любят и ценят его как талантливую и незаурядную личность, отдавая дань глубокого уважения его самозабвенному служению искусству.

Парк культуры и отдыха г. Якутска (1984 -2002)

Настоящим гражданским подвигом можно назвать деятельность Ломако А.И. в качестве директора Парка культуры и отдыха (ПКиО) г. Якутска. Уже в 1985 году газета «Социалистическая Якутия» писала: *«Ещё год – полтора назад этот лесной массив, самой природой предназначенный для отдыха горожан, многие якутяне обходили стороной. Заходить туда даже взрослому человеку было не только неприятно, но и небезопасно: очень уж вольготно чувствовали себя на природе пьяницы и хулиганы....К общему нашему счастью, ныне парк, возрождается. Что же произошло? Никакого чуда! Просто к руководству городским парком пришел человек энергичный, неравнодушный, сам много работающий и умеющий увлечь помощников...»*

За сравнительно короткий срок в парке было установлено 12 новых механизированных аттракционов: 5 для взрослых- «Колесо обозрения», «Сюрприз», «Весёлые горки», «Качели», «Автодром» и 7 для детей- «Космос», «Солнышко», «Юнга», «Колокольчик», «Детская железная дорога», «Светофор» и «Детский автодром». Посещаемость парка увеличилась в десятки раз и достигла 1,5-2 млн. человек за сезон. Было заасфальтировано 5000 кв.м. площадок и пешеходных дорожек. Преобразилась «Центральная аллея», реконструированы фонтан и главный вход в парк, деревянные уличные фонари заменены на металлические, установлены ажурные ограждения, построено 2-х этажное здание «Общественно – культурного центра», начато возведение «Детского пункта проката», был заложен фундамент «Оздоровительного центра», разработана проектно–сметная документация «Ливневой канализации» для спасения лесопарковой зоны.

Сегодня Якутский городской парк культуры и отдыха составляет 110 га и представляет собой парк смешанного типа – зеленый массив с аттракционами. По занимаемой площади парк Якутска – один из крупнейших на Дальнем Востоке. На его территории действуют 24 муниципальных аттракциона и 22 частных. А также около 70 различных коммерческих точек, начиная от продажи сахарной ваты и заканчивая вполне приличными кафе, местами для чтения книг, игры в шашки и шахматы.

Центральный вход в парк Якутска

Ломако А.И. на одной из площадок парка Якутска во время проведения праздничных мероприятий для жителей города

В 1994 году постановлением правительства ПКиО г. Якутска был отнесён к статусу Национальных парков республики.

Я и Саша в Центральном парке г. Якутска в 1995 г

Не осталось незамеченным участие юного связного партизан с. Шумарова. Саша был награжден медалями «Дети войны», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

После выхода на пенсию Александр Иванович начал заниматься индивидуальным предпринимательством по перевозке грузов речным транспортом. Имел в своей собственности три судна: буксир-толкач, судно-баржу и судно-площадку, которые использовались для перевозки разнообразных грузов по р. Лена.

В начале 2022 г. Саша тяжело заболел и 1 марта умер. Похоронен в Якутске.

Его жизни и деятельности посвящена отдельная статья в «Энциклопедии культуры и искусства Якутии», начиная с момента приезда в Якутск. Александр Иванович был всесторонне развитым и увлеченным человеком. Помимо театра, страстно любил рыбалку и охоту, любил жизнь и, что очень важно, умел дружить. Дружить не за праздничным столом, а по-настоящему, когда нужно бескорыстно прийти на помощь. Александр Иванович всегда умел найти нужные слова, поддержать в трудную минуту тех, кто в этом нуждался.

